

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2016 – 2017 учебный год
Заключительный этап**

**Первый тур
10 класс**

Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

**Фазиль Искандер
(1929—2016)**

Гигант

В детстве к нам летом приезжала тренироваться баскетбольная команда из Ленинграда. Она играла с нашей местной командой на баскетбольной площадке, расположенной рядом с нашим домом во дворе грузинской школы.

Я с ребятами нашей улицы часто любовался их игрой. Мне было лет десять. В ленинградской команде выделялся один баскетболист невероятного роста. Другие баскетболисты рядом с ним казались малорослыми. Такого гиганта я никогда не видел. В сущности мы приходили любоваться им. В его удлинённом лице было что-то лошадиное: чёрная чёлка, огромные косящие глаза, большие пухлые губы.

Если он с мячом оказывался у баскетбольной корзины противника, то, только вытянувшись, даже не подпрыгнув, забрасывал мяч в корзину, вернее сказать, закладывал. Но он даже издали точнее всех попадал в баскетбольную корзину. Казалось, своим гигантским ростом он укорачивал расстояние до неё. Когда он забрасывал мяч издали, лицо его принимало звероватое выражение. Звали его дядя Юра.

Может быть, мне это кажется, но из всех наших ребят, собиравшихся там, он теплее всего относился ко мне. То ли дело в том, что я восторженнее других любовался им, то ли в том, что во время перерыва я им всем часто читал вслух гангстерские рассказы из журнала «Вокруг света». Так я начинал свою просветительскую деятельность. Рассказы принадлежали американским авторам, тем убедительней они казались. Мне представлялось, что Америка – страна, где много машин, много негров и много гангстеров. Сейчас я думаю, что эти рассказы печатались в таком изобилии из пропагандистских соображений. Вот, мол, какая жизнь в Америке. Но тогда это мне в голову не приходило.

Одним словом, я был в восторге от этого гиганта. Но я мучительно замечал и другое. Иногда я его видел в городе, и довольно часто за ним увязывались пацаны, поражённые его ростом, и выкрикивали что-то насмешливое. Обычно он сдерживался, но временами это ему надоедало. Он оборачивался на них с выражением затравленности на лице и так яростно отмахивался от них рукой, что пацаны рассыпались и умолкали.

Он часто брал меня с собой на море, и я по дороге наблюдал подобные сцены. Но порой даже взрослые, увидев его, останавливались и глазели на него. Я знал, что это ему неприятно, но ничего не мог сделать.

Однажды один взрослый мужчина, остановившись, долго смотрел на него, а потом, когда мы прошли, громко сказал.

– Сколько хлеба съедает один такой человек в день!

Мне показалось, что ничего пошлее я никогда в жизни не слышал, хотя, может быть, этого слова тогда и не знал. Взглянув на дядю Юру, я не понял по выражению его лица, слышал он эти слова или нет. Со вздохом облегчения я решил, что он их не расслышал.

Только однажды он явно не рассердился. Наш мороженщик, весёлый балагур Сулико, неожиданно выскочил из-за угла и, внезапно увидев дядю Юру, остановил свой гремющий на колесах голубой ящик с мороженым.

– Эй, великан, – крикнул он, – ты с какой планеты?

– Тебе там не бывать, – ответил дядя Юра.

Мы шли на море.

- Что ты о нас расскажешь, когда вернешься к своим? – не унимался Сулико.
– Я скажу, что у Сулико самое плохое мороженое в мире, – ответил дядя Юра.
– Но у нас с сахаром трудности, – не растерялся Сулико, – тогда и это скажи!

Дядя Юра не ответил. Сулико загремел дальше. Возможно, они уже встречались, и дядя Юра покупал у него мороженое.

Иногда я его встречал в городе с ребятами из его команды. Обычно они были с девушками, но я ревниво замечал, что одной девушки, а именно его девушки не хватало среди них. Я горестно догадывался, что девушек отпугивает его невероятный рост.

Когда баскетболисты отдыхали, лёжа на траве, он иногда перекидывался с ними шутками, но почти никогда не принимал участия в общем разговоре. Он лежал или сидел, грустно покусывая травинку. Однажды, когда они так отдыхали, на баскетбольной площадке появился известный в городе бандит.

– Вор в законе, вор в законе, – уважительно зашептали наши баскетболисты, давая знать ленинградцам, что к ним пожаловал знатный гость.

Это был человек среднего роста, очень плотный, из-под рубахи у него виднелась матросская тельняшка.

Все вскочили, кроме дяди Юры, который продолжал сидеть, обхватив колени руками. Сердце у меня сжалось от предчувствия беды.

– Здорово, ребята! – сказал бандит, подойдя к баскетболистам. Он со всеми щедро поздоровался за руку, давая знать, что он, несмотря на своё высокое положение, не зазнался.

Здороваясь со всеми, он кинул на сидящего дядю Юру несколько суровых взглядов. Он как бы ждал, что дядя Юра догадается встать, но дядя Юра не вставал.

Тогда он подошёл к нему и спросил:

- Так и будем сидеть?
– Так и будем, – спокойно ответил дядя Юра.
– Не уважаешь?
– Я не могу уважать человека, которого первый раз вижу.

Лицо бандита мгновенно преобразилось выражением дикого бешенства.

– Сейчас уважаешь, сука! – прошипел он и, внезапно побледнев, вырвал из внутреннего кармана пиджака финский нож. Все замерли в ужасе. Позже я понял, что в дар уголовного входу это умение быстро завести себя до состояния всепогрушающего бешенства.

– Вставай, сука! – крикнул он и взмахнул ножом.

И тут случилось совершенно неожиданное.

Дядя Юра, продолжая сидеть, внезапно выбросил правую ногу вперед, подсёк ею ногу бандита, и тот рухнул, выронив нож. Дядя Юра, продолжая сидеть, потянулся за ножом, поднял его и осторожно, чтобы не разрезать пальцы, двумя руками сломал его, легко, как карандаш. Отбросил обломки.

Бандит вскочил. Лицо его было искажено чудовищной злобой. Дядя Юра спокойно продолжал сидеть. И кажется, именно этим спокойствием он сломил его.

- Ты у меня долго не проживёшь! – крикнул бандит и стал быстро удаляться.
– А я никому не обещал долго жить, – вслед ему сказал дядя Юра.

Сколько раз позже я вспоминал эти его слова, сколько раз! Но тогда мне было не до них, я ликовал всей душой! Вот это человек!

Тут загалдели все разом, особенно местные баскетболисты, всячески укоряя дядю Юру за то, что он вовремя не встал и теперь жизнь его в опасности.

– Против огнестрельного оружия я ничего не могу сделать, – сказал дядя Юра, – а нож в следующий раз отниму и воткну ему в задницу.

Тут один из мальчиков с нашей улицы вскочил и цапнул обломки ножа с криком: «Чур, мои!»

Прошло несколько дней. Бандит не показывался и ничего не предпринимал. Мы успокоились.

Я продолжал ходить с дядей Юрой на море. Как легко, как радостно было вышагивать рядом с ним. Хулиганы, злые бродячие собаки – всё, всё казалось мелочью, ерундой рядом с ним!

Дядя Юра больше всего любил море. Может быть, огромность моря делала естественной его собственную огромность. Он подолгу сидел на диком пляже, а иногда далеко, далеко заплывал. Он прекрасно плавал всеми стилями. Когда он плыл кролем на спине, лицо его приобретало выражение блаженства. И в этом было что-то трогательное и смешное. Лицо его было такое, как будто он сам не имеет никакого отношения к работе собственных рук и ног.

Однажды, когда мы с ним сидели у воды, какая-то девушка пришла купаться. Она разделась в десяти шагах от нас и осталась в голубом купальнике. Наверное, она чем-то понравилась дяде Юре, потому что он несколько раз бросал на неё любопытные взгляды. Девушка вынула из сумочки какие-то бумажки и стала перелистывать их, видимо, стараясь найти нужную. Вдруг налетевший ветер сдунул с её руки одну бумажку, и она, делая в воздухе дикие зигзаги, полетела в нашу сторону и рядом с нами внезапно повернула к морю. Дядя Юра неожиданно выбросил свою длинную руку вперёд и поймал бумажку. Девушка всё это время следила за летящей бумажкой, и, когда дядя Юра её схватил, лицо девушки вдруг вспыхнуло, и тут я понял, что она в самом деле красивая. Она подбежала к дяде Юре, и он передал ей эту бумажку. Оказалось, что это билет на Москву.

– Спасибо, спасибо, – сказала девушка задыхающимся голосом, и лицо её сияло благодарным светом, и навстречу ей светилось лицо дяди Юры. Никогда лицо дяди Юры так не светилось! Я понял, что они понравились друг другу. Девушка не спускала с него глаз, она глядела на него с благодарной нежностью. Даже меня обдала волна их счастья.

– Будем знакомы, – сказала она и протянула руку. Всё ещё сидя, дядя Юра взял её руку и начал подниматься. Он медленно поднимался, как бы давая ей привыкать к своему росту. Через секунду громадный дядя Юра стоял рядом с тоненькой девушкой, продолжая держать её руку в своей руке. И вдруг я увидел, что сияющее лицо девушки стало тускнеть и тускнеть. Казалось, она смущённо прячет свой испуг. Лицо дяди Юры помертвело, и он отпустил руку девушки. Она повернулась и пошла к своей одежде.

«Он хороший, хороший, дура!» – хотелось крикнуть ей вслед. Дядя Юра молча вошёл в воду. Он поплыл яростным кролем. Вода бурлила за ним, как за моторной лодкой. На этот раз он особенно далеко заплыл. Когда он вернулся, девушки уже не было на берегу. Сейчас я думаю, что тогда я увидел самый ослепительный и самый короткий любовный роман в жизни. Он длился около одной минуты и кончился крахом.

Мы с ним продолжали ходить на море. Иногда на обратном пути мы в одном и том же киоске пили газированную воду. Продавец с большим любопытством присматривался к дяде Юре и однажды не выдержал:

– Извини, друг, но я интерес имею – ты пошёл в отца или в мать?

– В тётку, – довольно спокойно ответил дядя Юра и поставил опустевший стакан на стойку. Мы пошли.

– Как в тётку? – раздался за нами недоумённый голос продавца. Дядя Юра промолчал, а я почувствовал ужасную неловкость, отчасти и за глупость земляка.

баскетбольной площадкой граничил сад какого-то частника. Сад был огорожен колючей проволокой. По ту сторону проволоки росла мушмула. Одна её ветка, усеянная жёлтыми, уже усыхающими плодами, тянулась в сторону школьного двора. Но ветка росла слишком высоко, дотянуться до неё мог только дядя Юра. Я его однажды попросил об этом. Даже он с трудом дотянулся до ветки и так её согнул, что звездочки мушмулы запрыгали возле моих глаз. Я так любил тогда мушмулу! Я стал поспешно срывать и отправлять в рот её плоды. Дядя Юра тоже осторожно отправил в рот мушмулу.

Видно, он её никогда не пробовал. Может, с непривычки она ему не понравилась.

– Затейливый вкус, – сказал он и сплюнул косточку. Теперь он продолжал держать ветку только для меня.

– Дядя Юра, вы любите баскет? – почему-то спросил я у него. Вероятно, это было выражением тайной благодарности за то, что он с некоторым напряжением продолжал держать ветку только для меня.

– Ненавижу, – вдруг сказал он. Я замер от удивления.

– Так зачем же вы играете?

– Ты этого не поймёшь, – ответил он задумчиво. – Баскетбол – единственное место, где я чувствую себя человеком.

Мне стало грустно, а обглоданная ветка радостно взлетела вверх. На следующий год ленинградские баскетболисты снова приехали и тренировались на той же площадке. Но дяди Юры с ними не было.

– А где же дядя Юра? – спросил я у одного из них.

– Юра умер, – вздохнул он, – говорят, какая-то болезнь. Но, по-моему, от тоски.

Что-то обрушилось внутри меня, и в ту же секунду я почему-то подумал, что другие этого не должны заметить, это стыдно.

Через несколько минут я тихо встал и ушел домой.

С тех пор никогда в жизни я не интересовался баскетболом.

Опубликовано в 2000 г.

**Георгий Иванов
(1894—1958)**

Глядит печаль огромными глазами
На золото осенних тополей,
На первый треугольник журавлей,
И взмахивает слабыми крылами.
Малиновка моя, не улетай,
Зачем тебе Алжир, зачем Китай?

Трубит рожок, и почтальон румяный,
Вскочив в повозку, говорит: «Прощай»,
А на террасе разливают чай
В большие неуклюжие стаканы.
И вот струю крутого кипятка
Последний луч позолотил слегка.

Я разленился. Я могу часами
Следить за перелётом ветерка
И проплывающие облака
Вообразать большими парусами.
Скользит галера. Золотой грифон
Колеблется, на запад устремлён...

А школьница любовь твердит прилежно
Урок. Увы – лишь в повтореньи он!
Но в этот час, когда со всех сторон
Осенние листья шуршат так нежно
И встреча с вами дальше, чем Китай,
О грусть влюблённая, не улетай!